

ТУВИНСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА

Ч. К. Ламажаа¹

Аннотация: В статье период истории Тувы с конца XIX века до 1930 года рассматривается как начальный период тувинской модернизации; обосновывается отличие данного периода от периода силовой советской мобилизации (с 1930 г.).

Ключевые слова: Тува, ТНР, история, модернизация, традиции.

TUVAN MODERNIZATION OF THE EARLY 20TH CENTURY

Ch. K. Lamazhaa

Abstract: Article reviews the period from the end of 19th century to 1930 as a period of Tuvan modernization, justifies the distinction between this period and the period of forced Soviet mobilization (starting from 1930).

Keywords: Tuva, Peoples' Republic of Tuva, history, modernization, traditions.

Кардинальные социальные изменения в традиционном обществе Тувы связаны с российским влиянием, хотя начинались они в условиях больших геополитических изменений и с юго-востока (Китай, Монголия), и с северо-запада (Россия). Данные социальные процессы я рассматриваю с точки зрения модернизационной теории, применение которой к истории Тувы открывает интересные перспективы (Ламажаа, 2008; Ламажаа, 2009б:

¹ Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — кандидат философских наук, главный редактор журнала.
Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_2-3/3810-lamazhaa.html

Электр. ресурс). Модернизация, как переход общества от традиционного типа развития (с доминированием традиций) к инновационному, современному (с доминированием инноваций, не исключая при этом традиций), начала осуществляться в Туве в соответствии с желаниями верхних слоев общества, при непротивлении нижних, без большого противоречия с традициями. Я называю этот этап «тувинской модернизацией». Длился он очень короткий промежуток времени — с рубежа XIX—XX вв. и первые три десятка лет XX века, после чего процесс, так и не развернувшись, был прерван, точнее — изменен. Социалистической социальной теорией этот период был назван переходным от патриархально-феодалных отношений к отношениям социалистическим.

В дальнейшем, усиление российского влияния привело к масштабному вовлечению тувинского общества в мобилизационные процессы российской социалистической модернизации, которые сопровождались крупными институциональными преобразованиями. Регион совершил прорыв в социальном развитии, однако произошло это за счет одновременного формирования в обществе «культурной травмы» (термин П. Штомпки). Следующий этап — «силовая мобилизация» Тувы — начинается с 1930-х годов (рубежным можно считать VIII съезд ТНРП 1929 года), и меняет ход социальных процессов.

Для того, чтобы охарактеризовать особенности тувинской модернизации, необходимо упомянуть о предыстории взаимоотношений тувинцев с русскими.

Тувинцы и русские: предыстория

Первые контакты населения Тувы с русскими датируются началом XVII века, что было связано с установлением торговых связей России с территориями Сибири и Дальнего Востока. В XVII веке тувинские племена как подданные Алтын-ханов даже юридически входили в состав Российского государства (Сердобов, 1971: 145-147). Н. М. Моллеров считает, что именно с рубежа XVII – XVIII веков обозначился вектор движения Тувы и России навстречу друг другу (Моллеров, 2005: 3).

В течение XVIII и XIX веков установившиеся русско-тувинские связи развивались преимущественно в форме торгового обмена. Более активные взаимодействия начались в Урянхайском крае с начала XIX века в связи с появлением русской золотопромышленности. Торговля между тувинцами и русскими не могла нравиться маньчжурским, а также местным властям. Монополистами внутренней торговли в Туве являлись тувинские чиновники, которым было предоставлено исключительное право на продажу китайских товаров. Однако, российскому правительству удалось найти выход для того, чтобы закрепить за собой тувинский рынок сбыта товаров. Согласно Пекинскому дополнительному договору между правительствами Российской империи и Китая 1860 года, здесь была разрешена свободная беспошлинная торговля, как китайским купцам, так и русским. Хотя Тува официально считалась подчиненной территорией Манчжурии, фактически она стала частью открытой граничной зоны между двумя империями. Торговля с русскими, как оценивают историки, положила конец той ситуации замкнутости, изоляции тувинской

экономики, в какую ее поставили маньчжурские завоеватели (История Тувы, 2001: 286).

С этого момента — со времени широких тесных контактов между народами, с рубежа XIX—XX веков, начинается отсчет тувинской модернизации. Предыдущий процесс сближения Тувы и России можно назвать в этом случае подготовительным этапом.

Что стало происходить в тувинском обществе?

Золотые прииски способствовали расширению местного рынка. В конце 1890-х годов стали организовываться предпринимательские хозяйства русских купцов. По количеству скота они не уступали крупным хозяйствам тувинских нойонов (князей). В них стала совершенствоваться тувинская система ведения скотоводства с использованием труда тувинских аратов. Значительные группы тувинцев переходили Саянские горы и охотились на русской территории. Русские снабжали тувинцев такими изделиями промышленного производства, которые не могли поставить в Туву ее соседи — китайцы и монголы, и формами производства, которые не могли быть налажены самим местным населением. Тувинцы впервые узнали о постоянных жилищах — деревянных избах, о новых формах землепользования, о новых орудиях. Такие предметы российского экспорта, как мануфактура низких, более дешевых сортов, железные изделия, галантерея, табак и пушнина, потреблялись всеми слоями тувинского населения. За привозимые товары Тува расплачивалась с русскими своим основным богатством — скотом. Здесь получили хождение денежные знаки не только китайские, но и русские — металлические деньги и кредитные билеты.

Так, контакты между народами в Туве стали носить характер широких хозяйственных заимствований. Тувинское общество вплотную соприкоснулось с новым образом жизни, чего не было ранее. Прежнее вхождение Тувы в состав других государств не претендовало на рекультивацию населения и ограничивалось ее экономической эксплуатацией. В межкультурном взаимодействии не происходило таких традиционных для моделей русского освоения Сибири процессов, как адаптация и ассимиляция. Другие народы, не имевшие прежде других культурных влияний, получали от русских новые начала культуры, например, в виде широкой христианизации. Для Тувы внешнее воздействие было в первую очередь экономическим, что повлекло за собой собственно внутренние преобразования.

Конечно, нельзя говорить о том, что взаимодействие Тувы и России носило исключительно положительный характер. Русская торговля также носила характер несправедливого грабежа местного населения. Часть земель для новоприбывших с севера приобреталась путем подкупа знати, беднейшие слои местного населения, чтобы выжить, были вынуждены идти в наем на работу в крупные хозяйства разбогатевших русских поселенцев. И после установления над Тувой официальной юрисдикции России, край продолжал существовать как источник сырья, теперь уже для русской промышленности.

Заимствования в плане хозяйственно-экономической жизни обогащали мировоззрение, мобилизовали инновационные механизмы традиционной культуры, которая получила возможность существовать без жесточайшего политического и экономического прессы со стороны Китая. Соприкоснувшись с новым образом

жизни, тувинцы увидели пример активного и эффективного хозяйствования. Русские переселенцы, большая часть которых была обедневшими крестьянами, искавшими лучшей жизни в новых местах — были одним из примеров классического «бегства» от государства. Они стали активной социальной группой, которая осваивала «дикое» поле с полной самоотдачей. Их пример тувинцев пугал, удивлял, поражал, заставлял с ними мириться, и вдохновлял.

Исторический выбор

После падения в 1911-1912 гг. маньчжурской империи выбор Тувы геополитического союзника и формы государственного самоуправления был чрезвычайно ответственным и не был одномоментным актом. Правители хошуунов метались в поисках лучшего направления, отправляя посольские отряды с письмами и дарами на север и на юг.

Сложная геополитическая обстановка, а также революционные изменения в самой России заставляли северного соседа долго определяться со своими интересами в центре азиатского материка. Монголия одновременно с Урянхайским краем получила политическую независимость от Китая, и в среде ее знати существовало желание присоединить Урянхай к себе. Промонгольски настроенные тувинские нойоны-князи говорили о присоединении к южному государству. Но в социально-экономическом плане Монголия была такой же ослабленной бывшей провинцией китайской империи, которой требовалось определить ход своего дальнейшего развития. К тому же история взаимоотношений тувинцев с монголами, несмотря на родственность культур, изобиловала притеснениями местного населения от монгольских на-

чальников. В монгольской же элите довольно долго были живы взгляды на тувинцев свысока, как на подвластные племена.

Почему выбор Тувы пал на Россию? Сам край не имел достаточных внутренних резервов для дальнейшего развития. Размеренный ход кочевой жизни, огромный социальный разрыв, нищета основной массы населения и освященные религией установки на подчинение — все это не могло обеспечить дальнейшее существование и сохранение этнической целостности при постоянных внешних давлениях. Поэтому социальной ориентацией, получившей основание в самой культурной потребности, стала ориентация на русских, на Россию.

Учитывая то, что в тувинской культуре также характерным является гостеприимство, любознательность, то неудивительно, что в большинстве своем контакты с представителями северной державы носили характер установления личных дружеских отношений. По воспоминаниям приезжавших в Туву переселенцев: «чем дальше продвигались на восток (по Урянхайскому краю), тем больше встречались с проявлением дружелюбности по отношению к себе» (Тува XX век..., 2001: 13). Это значительно облегчало прохождение процесса культурных заимствований. Больших конфликтов на этнической почве зафиксировано не было. Такое взаимное сосуществование этносов продолжается и сейчас.

Выразителем российской установки стал глава самого многочисленного хошуна Буян-Бадыргы — один из первых представителей тувинской политической элиты, перешагнувшей через родовые, хошунные представления и мыслившей в государственных масштабах. В его прошении 26 октября 1913 года к императору Николаю II о покровительстве отмечаются установки на оп-

тимальный путь для Тувы: урянхи соседствуют с Россией, имеют взаимную связь, многочисленные материальные интересы и предпочитают покровительство «белого царя». Аналогичное содержание писем было и от других правителей хошуунов. Выражая желание получить защиту России, Тува просила сохранить «установленные с давних времен порядки управления и обычаи», а также право распространения «желтой религии» — буддизма на своей территории (Дубровский, 1994: 16).

Протекторат (покровительство) России над Тувой был официально объявлен в 1914 году.

Как пишут историки, оценивая значение протектората, он «обеспечил возможность сохранения тувинского этноса, так как в противном случае тувинцы вошли бы в состав Внешней Монголии и утратили свою этническую специфику, и прежде всего родной язык, подобно тому как это произошло с некоторыми из тех групп тувинцев, которые оказались на сопредельных территориях и в самой Монголии» (История Тувы, 2001: 327).

По характеристике Н. М. Моллерова, Тува стала полунезависимой страной, которая накануне Октябрьской революции в России была близка к тому, чтобы стать новой территорией Российской империи (Моллеров, 2005: 4). Первым советским руководителем Тувы С. К. Тока объявление над республикой российского имперского протектората расценивалось уже как присоединение Тувы к России, как «важное и прогрессивное событие в жизни и истории тувинского народа», так как, по его мнению, оно дало возможность «войти в революционный контакт с русскими рабочими и трудовыми крестьянами и через них вбирать в себя великие освободительные идеи марксизма-ленинизма» (Тока, 1970: 7). Но по-

следний шаг — принятие тувинцами российского подданства — тогда сделан не был. Под влиянием революционной России события начали развиваться в направлении создания и становления суверенного тувинского государства (Моллеров, 2005: 4).

Как полагают современные исследователи, ранее принятое мнение об индустриализации как отправной точке модернизации ошибочно. Традиционные социальные структуры могут активно трансформироваться в процессе воздействия на них торгового капитала и подкрепляться хозяйственными контактами населения (Бабаков, 1993: 74-76).

Начало модернизации Тувы ознаменовалось изменениями в хозяйствовании, в экономической жизни, в восприятии людей, в культурном сознании, отразившись и в политической жизни. На передний план политики выдвинулась элита, озабоченная дальнейшей судьбой Тувы и решавшая ответственные задачи исторического выбора. Тем самым тувинское общество отвечало на внешний вызов — требование самоопределения и выбора пути — адекватным ответом, позволявшем ему и развиваться, и одновременно сохранять основы своей традиционности. На начальном этапе государственное строительство в Туве являлось рациональным и определялось реалиями и интересами развития традиционного общества.

Со второго десятилетия XX века Туву, будучи вовлеченную в поле жизни российского государства, потрясают волны политических и социально-экономических кризисов. Однако, это стало и органическим следствием внутреннего становления: тувинское мировоззрение переживало революционный прорыв, формировало

новые социальные структуры, примеряло новые идеологические ориентиры. В итоге, здесь также была установлена власть Советов.

Событием большой важности стало провозглашение при поддержке Советской России в 1921 году Танну-Тувинской Народной Республики (ТНР). Самостоятельная государственность была подчеркнута всеми атрибутами: Конституцией, формированием органов власти. При этом, необходимо отметить, что вовлеченность Тувы в общероссийские процессы продолжала существовать и укрепляться. Это выражалось во всемерной поддержке проводимых в Туве реформ, и было закреплено в 1944 году официальным вступлением ТНР в состав СССР. Однако, характер социального реформирования республики был изменен ранее, в 1930-м году.

Как я уже упомянула, тувинские правители долго делали свой выбор между Россией и Монголией. В это же время и сама Советская Россия, балансируя в геополитическом треугольнике с Монголией и Китаем, не могла определиться с Урянхайским краем — территорией, на которую притязал и Китай, и Монголия. Позиция, которую занимали советские органы в Туве, как определил Н. М. Моллеров, характеризовалась официальным невмешательством во внутренние дела и созданием условий для проявления инициативы тувинских органов власти по всем внутренним вопросам. Представитель Наркомата иностранных дел РСФСР Ф. Г. Фальский на заседании райбюро РКП (б) 5 июля 1922 г. делал доклад «О работе среди урянхов», в котором утверждал в частности: «Нам нужно все наше внимание сосредоточить на том, чтобы вызвать как можно больше самодеятельности самих урянхов» (Моллеров, 2005: 69). Но это не означало полной самостоя-

тельности Тувы: тувинское правительство считалось с мнением представителей России; в составе Тувы находилась на особом статусе Русская самоуправляющаяся трудовая колония.

В любом случае полунезависимая страна получила больше, на что могла рассчитывать, учитывая то, что становление собственной государственности было делом новым для тувинцев. Локальная культура тогда, не удовлетворяясь старыми социальными, экономическими и политическими образцами, искала новые формы, также как и российская. Общество было готово к принятию инноваций ради сохранения и укрепления своей жизни. И относительное вынужденное невмешательство советского правительства в дела Тувы оборачивалось в определенном смысле благом для последней. Именно поэтому отношение тувинцев к России, как считают многие историки, тогда было гораздо лучшим, чем к Монголии.

А когда в 1925 г. между правительствами СССР и ТНР был подписан договор об установлении дружественных отношений (с официальным признанием Союзом тувинского государства), по наблюдениям И. Г. Сафьянова, «все промонгольские настроения испарились даже у тех, кто несколько месяцев назад до этого подавал петиции о присоединении к Монголии». Заключение договора привело к улучшению внутренней обстановки в Туве (Моллеров, 2005: 87).

В научной литературе есть, правда, и другие мнения относительно ориентации тувинского народа в начальный период ТНР. А. К. Кужугет считает, что после прихода к власти С. Тока в конце 1920-х годов тувинцев стали интенсивно переориентировать с востока (Китая, Монголии, Тибета) на запад (Россию) (Кужугет,

2004: 192-193). В 1920-е годы, как она оценивает, большинство населения Тувы считали Монголию старшей сестрой, а монгольскую культуру близкой и родственной. А. К. Кужугет ссылается на свидетельство П. Маслова, который проводил в 1930 – 1931 гг. перепись населения ТНР вместе с группой советских ученых, и наблюдал положительное отношение местного населения к близким по культуре монголам, у которых «те же юрты, те же кочевья, то же скотоводство», тогда как «СССР был далек и во многом непонятен» (там же: 193).

Полагаю, что в данном случае мы имеем дело не с противоположными точками зрения ученых. Правы и те, и другие. В обществе могли сосуществовать разные настроения одновременно, а множественность оценок и взглядов очевидна в периоды социальных трансформаций. В массах могла присутствовать лояльность по отношению к монгольскому народу — в противовес настороженности к Монголии у правительства Тувы. Полярность мнений могла присутствовать как в среде власти и ее оппозиции, так и в социальных «низах».

При наличии разных мнений и их столкновений, социальные реформы в республике проводились, в целом, как попытки создать новую жизнь своими резервами. *Общество принялось за самореорганизацию. Это была модернизация тувинского общества силами самих тувинцев — активной части общества. Это происходило при поддержке с севера, откуда шел «экспорт революции». Но на первых порах установки русских на изменение общественного устройства, на прогрессивность перемен были понятны для тувинцев в связи с общей необходимостью для Тувы начала нового государственного строительства.* Были и полуме-

ры, и перегибы, но так как, по мнению большинства и верхов, и низов, — это делалось для блага Тувы и тувинцев, то находило оправдание, тем более, что для активных представителей беднейших слоев открылись шлюзы в социальной иерархии.

Самостоятельная реорганизация

Принятый в первой же Конституции ТНР (15 августа 1921 г.) принцип выборности должностных лиц провозглашал демократические основы государства: «§ 2. Все граждане Танну-Тува Улус равны перед законом, издаваемом с согласия всего народа», «§ 9. Верховная законодательная власть в республике принадлежит съезду всех хошунов, который составляется из депутатов и народа и созывается не менее одного раза в год», «§ 10. Депутаты на всеобщий Танну-Тувинский съезд избираются от каждого хошуна отдельно на общих собраниях сумо в количестве, пропорциональном числу населения каждого сумо, но не менее двух человек от самого многочисленного по числу населения сумо», «§ 11. Высшая исполнительная власть принадлежит Всеобщему Центральному Совету (Правительству), который составляется от каждого хошуна по одному человеку. В промежутках между съездами вся полнота власти принадлежит Центральному совету, который может издавать Постановления в пределах настоящей Конституции» (Конституции Тувы, 1999).

В 1923 году было решено отказаться от прежнего сословного деления. По решению II съезда Тувинской народно-революционной партии и II Великого хурала было установлено новое административно-территориальное деление республики, а также упразднены феодальные титулы всех степеней, чиновничьи звания

и уничтожены знаки отличия этих званий — разноцветные шапки и перья для шапок (там же: 5).

Несмотря на явные демократические задачи реформирования, состав правительства Тувы все равно оказался сформированным из прежних правителей хошунов, влиятельных чиновников, называемых теперь в новом качестве — министрами, депутатами (Моллеров, 2005: 65). По мнению Н. М. Моллерова, другого источника для управленческих кадров в те годы просто не существовало. Дополнительную легитимность старому руководству придавало традиционное чиновничество тувинцев.

В этом случае послушание вышестоящему начальству, даже при наличии своей Тувинской народно-революционной партии, не вылилось в слепое копирование советских революционных методов. Ведь смирение перед начальниками, по признаниям самих тувинцев, «впитывалось в кровь и мозг каждого арата вместе с молоком матери» (Шойгу, 2001: 128). Правда, тот факт, что представители советской власти поддерживали бедноту, приводило к колебаниям со стороны богатых в их отношении к вопросам государственного управления, становилось частой причиной смены кадров в правительстве.

Я расцениваю первоначальное сохранение социальной иерархии как положительный фактор. Реформирование с применением радикальных методов и огульное отрицание вековых устоев в обществе с сильной традиционностью сказывается гораздо хуже на социальных процессах в дальнейшем.

В целом, старая знать была лишь лишена политических прав и привилегий, араты были освобождены от фактически крепостной зависимости. Главным методом хозяйственной организации

стало кооперирование. Среди русских крестьян, а затем и среди тувинских аратов были созданы первые крестьянские комитеты общественной взаимопомощи, машинные товарищества и товарищества по совместной обработке земли. При этом собственность знати и духовенства все же не была затронута. Фактическое использование земельных (пастбищных) угодий определялось количеством скота в каждом хозяйстве.

В конце 1920-х годов было отмечено наличие в Туве пяти социально-экономических укладов. Во-первых, появился социалистический: небольшие предприятия, государственная и кооперативная торговля, банк, госхозы и первые производственные объединения крестьян. Во-вторых, сохранены были мелкотоварный, патриархальный (экстенсивный), феодальный и капиталистический (крупных собственников скота и других средств производства) уклады. К 1931 году насчитывалось 5-7 % феодально-байских хозяйств, свыше 50 % — середняцких, примерно 40 % — батрацко-бедняцких (Экономика Тувинской АССР, 1973: 77-79).

Привычная хозяйственная деятельность, позволявшая сохранять свою идентичность, а также расширение ее возможностей для широких масс было воспринято с большим энтузиазмом в народе. Фольклористами зафиксировано появление новых песен, частушек, загадок о новой счастливой жизни. «Разномастный наш скот давайте умножать... В логу не вмещающиеся наши стада давайте равномерно растить» (Курбатский, 2001: 74-75). Идея коммуны была созвучна с традиционным коллективным трудом аратских хозяйств, песни выражали веру аратов в жизненную силу коллективизации. Трудовой энтузиазм и умение приводили к ударничеству: «В колхозе «Арыскан» («Искра») работаем мы

по-ударному (активно)», «Колхозные (артельные) молодцы трудодни заработают, трудовую долю одолеют» (там же).

Участники преобразований так вспоминали те времена: «В начале 30-х годов каждый арат имел своего незаменимого спутника — хорошего скакуна, корову с молоком для детишек и к чаю. Люди досыта наедались и могли справиться хорошую одежду. И все это, твердили араты, появилось у нас благодаря народной революции, заботе партии и правительства», «все люди действительно были преданы делу хувискала («революции»), потому что они это слово понимали как свободу» (Шойгу, 2001: 128). Идеализация как свойство исторической памяти неизбежна в субъективных воспоминаниях старшего поколения. Однако в них очевидно отражение огромной работы по принятию инноваций традиционным обществом, почувствовавшего необходимость изменения жизни и пытавшегося проводить это самостоятельно. Традиционное сознание оправдывало новации и изменения: «При ТНР жизнь была ключом», потому что «все было свое, национальное: и законы, и обычаи, и традиции, и обряды» и «поголовье скота достигало двух миллионов» (Тува XX век, 2001: 33).

Новые поселения символизировали торжество общего труда единомышленников. Техника, отправляемая из России, воспринималась как интересное средство познать восхитительное неизвестное. Эта идея подкреплялась традиционными установками тувинцев. Одной из главных ценностей кочевой культуры был конь — верный друг и помощник в работе и в целом в жизни, который давал возможность постоянно расширять пространственное восприятие человека. Теперь таким же, но уже более мощными средствами открытия мира воспринимались новые технические

средства: автомобили, трактора, аэропланы. Новые предметы обозначались, по выражению Г. Н. Курбатского, «неологизмами-эвфемизмами, которые явились, как и старые эвфемизмы, метафорическими, по существу знаковыми формами» (Курбатский, 2001, с. 77). «Демир-орук» (железная дорога) символизировала Советскую Россию. Самолет называли «Ужар-хеме» (летающей лодкой), автомашину — «Чычан-, Алдын-, Оттуг-терге» (чертовой, золотой или огненной телегой). В песнях пелось: «Верхом на серебряном автомобиле объездим мы весь мир. Верхом на железном автомобиле перепрыгнем на все материки» (там же).

Антропологическим идеалом тувинцев становился активный арат-труженик, преумножающий скот для своей семьи и для государства, овладевающий новыми знаниями и техническими возможностями.

Важным в период тувинской модернизации был тот факт, что правительством ТНР признавался авторитет религии. Хотя в переписи населения 1931 года присутствует более 700 шаманов (Вайнштейн, 1964, с. 11), более влиятельными были ламы. В период с 1922 по 1928 годов число хурээ (монастырей) увеличилось с 22 до 26. При поддержке власти, в 1928 году в Кызыле был проведен буддийский съезд, на котором присутствовали представители всех монастырей. На съезде выступил председатель Совмина республики Куулар Дондук. Он просил о помощи, которую могли бы оказать ламы, обучить народ монгольской грамоте (Кужугет, 1994, с. 199) В конце 1930-х годов, с изменением социального курса, шаманов и лам практически не осталось, служители религии в тувинском обществе были репрессированы, уничтожены.

Таким образом, выдвижение на первый план в картине мира тувинского общества идей социальных потребностей, начавшееся с распространением буддизма и социальными трансформациями, последовавшими за административными реформами, получило дополнительные основания для развития в связи с внешними вызовами начала XX века. Процессы, судя по признакам, которые вырисовываются перед нами из исторических источников, можно охарактеризовать как начало тувинской модернизации. Данный процесс может рассматриваться как интересный вариант развития тувинского общества — модернизация на основе логики культуры, с учетом имеющихся традиций, ныне активно обсуждаемый социальными теоретиками как наиболее перспективный для развивающихся обществ. Но тогда тувинской модернизации не суждено было проявить себя полностью как макропроект. Процессы были повернуты в иное русло. Не обсуждая и уж тем более не осуждая дальнейшие события тувинской истории, подчеркнем только, что Туве начала XXI века для решения задач модернизации необходимо пристальное внимание уделить собственному историческому опыту столетней давности (см: Ламажаа, 2009а: Электр. ресурс).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Бабаков, В. Г. (1993) Кризисные этносы. М.
Вайнштейн, С. И. (1964) Тувинское шаманство. М.
Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX века). М., 1956.
История Тувы (2001). Т. 1. Новосибирск.
Кужугет, А. К. (2004) Культура и искусство ТНР // Ученые записки ТИГИ. Вып. XX. Кызыл.
Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре. Кызыл, 2001.
Ламажаа, Ч. К. (2008) Тува между прошлым и будущим. М., 2008.

- Ламажаа, Ч. К. (2009а) Модернизация России — модернизация Тувы // Новые исследования Тувы. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_4/960-lamajaa-modernizatya.html
- Ламажаа, Ч. К. (2009,) Теория модернизации и история Тувы // Новые исследования Тувы. №№ 1-2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/111-modernization.html
- Моллеров, Н. М. (2005) История советско-тувинских отношений (1917-1944 гг.). М.
- Сердобов, Н. А. (1971) История формирования тувинской нации. Кызыл.
- Тока, С. К. (1970) Торжество ленинской национальной политики // Торжество ленинской национальной политики в Туве. Кызыл, 1970.
- Тува XX век (2001). Народная летопись. Кызыл.
- Шойгу, К. С. (2001) Перо черного грифа. Невыдуманные рассказы старожилы Тувы о своей малой родине. Кызыл.
- Экономика Тувинской АССР (1973). Кызыл.